

УДК 82

ЗАМЫСЕЛ «ВОСКРЕСИТЬ ЧЕЙ-ТО ДАЛЕКИЙ ЮНЫЙ ОБРАЗ...» (СТИХОТВОРЕНИЕ И.А.БУНИНА «1885 ГОД» И РОМАН «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»)

© 2012 А.И.Смоленцев

Союз писателей России

Статья поступила в редакцию 25.01.2012

В данной статье выполнен сравнительный анализ стихотворения И.А.Бунина «1885 год» и эпизода смерти Писарева в романе «Жизнь Арсеньева». Сделаны выводы о возможности нового прочтения содержательных смыслов как стихотворения, так и романа в контексте единой художественной идеи, имеющей своей основой Евангельское Свидетельство Христова Воскресения и утверждающей художественную возможность преодоления смерти посредством творчества.

Ключевые слова: И.А.Бунин, «1885 год», «Жизнь Арсеньева». Бог. Любовь. Смерть. Творчество. Воскресить.

В данной работе мы намерены исследовать на конкретном примере (стихотворение «1885»), насколько продуктивным может быть подход к изучению творчества И.А.Бунина как к единому целому. Данный принцип научно осмыслен у Л.К.Долгополова: «Одно из самых значительных достижений поэтического творчества конца XIX – начала XX века заключается в том, что мы теперь уже перестали воспринимать отдельное стихотворение поэта вне контекста его творчества, вне «контекста» его личности»¹. Применительно к творчеству И.А.Бунина об этом писал А.А.Пронин: «Предмет подобного исследования не может ограничиваться только текстом «Жизни Арсеньева» или текстом творчества вообще, «текст жизни» И.А.Бунина также будет значимым для нас: что связано и с конкретными обстоятельствами работы над книгой, и с особенностями личности писателя»².

Методологическим основанием к подобному подходу для нас также служат, во-первых, тезисы М.М.Бахтина о «контекстах понимания»³, и, во-вторых, гипотеза, сформулированная доктором филологии Н.М.Нейчевым: «...русская классическая литература (от Пушкина до Чехова), в сущности является *Единым Текстом*, в котором множество составляющих его топосов объясняет смысл каждого в отдельности, а ка-

ждое произведение или автор раскрывают смысл всех остальных»⁴.

В нашем случае мы намерены применить принцип «единого текста» к одному из «топосов» (Н.Нейчев) Единого Текста русской классической литературы. Тогда для одной составной части (стихотворение «1885 год»), целое («топос Бунин») будет служить «контекстом понимания». Предваряя выводы нашей работы, отметим, что подобный подход – работа в «контексте понимания» – позволяет открыть не только новое содержание хорошо известного стихотворения «1885 год» (составной части топоса), но и в свете нового содержания «части» увидеть, открыть новое в содержании «целого» – речь идет о взаимопроникновении и взаимообогащении смыслов.

Стихотворение «1885 год» не входит в «корпус текстов» христианской тематики, сформированный О.А.Бердниковой в монографии «Так сладок сердцу Божий мир...»⁵: «В поэзии Бунина нами отмечено около 130 стихотворений христианской тематики: не случайно имя Бунина названо в ряду авторов духовной поэзии (Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, 2003)»⁶. Предложенный нами методологический формат позволит нам приобщить данный текст к стихотворениям христианской тематики. Мы руководствуемся тем, что «текст

⁰ Смоленцев Алексей Иванович, член Союза писателей России. E-mail: smolent@leks.kirov.ru

¹ Долгополов Л. От «лирического героя» к стихотворному сборнику // Долгополов Л. На рубеже веков. – Л.: 1977. – С. 110 – 111.

² Пронин А.А. Цитата в книге И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность»: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Петрозаводск: 1997.

³ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. – С.373.

⁴ Нейчев Н.М. Русская литературная классика как текстовая цельность в библейском контексте // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): Сб. науч. ст. – Екатеринбург: 2007. – С. 23.

⁵ Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир»: Творчество И.А.Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монограф. – Воронеж: 2009.

⁶ Бердникова О.А. Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции: Автореф. дисс.... докт. филол. наук. – Воронеж: 2009. – С.20.

живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу»⁷. Кроме того, это позволит нам высказать ряд предположений, касающихся такой «самой дискуссионной» (О.А.Бердникова) в современных исследованиях творчества И.А.Бунина проблемы, как «Бунин и христианская духовная традиция»⁸.

Стихотворение Ивана Бунина «Была весна, и жизнь была легка» имеет заглавие «1885 год». В поэтическом наследии И. А. Бунина это единственный случай, когда в качестве заглавия стихотворения использован полный формат даты. При этом хорошо известно, что как раз одной из особенностей творчества Бунина является «выход в метаисторическое измерение, бегство от «печали времени», «выход в иное вне-временное измерение»⁹. В понимании современного литературоведения, «заглавие – одна из «сильных позиций» текста. Даже во внешне нейтральных заглавиях присутствие автора всегда ощутимо»¹⁰. О.А.Бердникова точно отмечает пророческое наитие И.А.Бунина, связанное с заглавием другого «календарного» стихотворения «Семнадцатый год»: «не просто дата русской революции, но дата, обозначенная последними двумя цифрами числа (в отличие, скажем, от стихотворения «1885 год»). Обладая безупречным языковым чутьем, Бунин-поэт точно угадал то, как в дальнейшем будет вербально обозначаться в русском сознании роковая дата во всей многовековой истории России»¹¹. Здесь необходимо принять во внимание и не раз отмеченную исследователями особую точность, даже тщательность Бунина в вопросах творчества. Хорошо известна запись, сделанная Буниным на полях рукописи рассказа «Солнечный удар»: «Ничего лишнего». Исследователи определяют это суждение как «эстетический «символ веры» писателя»¹². Поэтому вопрос изучения особенностей (а, следовательно, и значения) стихотворения «1885 год» в

творчестве Бунина приобретает дополнительные основания.

«1885 год»

Была весна, и жизнь была легка.
Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила

Земля, как зацветающая вновь,
Блаженная, лежала предо мною –
И первый стих, и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весною.

И это ты, простой степной цветок,
Забывший мной, отцветший и безвестный,
На утре дней моих попраля Смерть, как Бог,
И увела в мир вечный и чудесный (9.IX.22
(VIII, 18) (8, с. 18)¹³

Обратимся к содержанию стихотворения, предварительно оговорив, что «лирический герой» – «и это особенно наглядно выражено в лирике начала XX века – именно характер, но характер обобщенный, *синтетически* выражающий авторское восприятие времени», «если поэт – явление, лирический герой – сущность этого явления» (Л.К.Долгополов)¹⁴. При этом мы учитываем терминологическое уточнение О.А.Бердниковой: «Термин «лирический герой» уместен в тех стихотворениях, где лирический субъект идентифицирует себя как поэт»¹⁵. В нашем случае характер идентификации соответствует этому статусу, так как упоминается «первый стих».

В стихотворении присутствует четкое логическое построение, основанное на развернутой оппозиции «Весна (Жизнь) – Могила (Смерть)». Мир жизни существеннее мира смерти: даже дымок из кадила (кадило в данном контексте – часть мира смерти, но и – по определению – часть мира Бога) – легок, вернее, – жизнь, так же легка, как дымок. Но – жизнь так же легка, и как облака (облака и небо – мир Бога). Отсюда двойственная природа этого образа: кадило, в первую очередь – часть мира Бога, и только в данном случае – часть мира смерти, но противоречия здесь нет. В Боге – и жизнь, и смерть: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Иоан.11:25). То есть, преимущество – за миром жизни. Однако преодоление мира смерти происходит для лирического героя не миром Бога, и даже не посредством мира при-

⁷ Бахтин М.М. К методологии... – С.365.

⁸ Бердникова О.А. Антропологические художественные модели... – С.19.

⁹ Мальцев Юрий. Иван Бунин. – М.: 1994. – С. 131, 306.

¹⁰ Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.И.Николюкина. – М.: 2001. – С.848 – 853, 849.

¹¹ Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир»: Творчество И.А.Бунина... – С. 97.

¹² Смирнов В.П. Бунин // Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь / Редкол.: П.А.Николаев (гл. ред.) и др. – М.: 1989 – Сер. Биогр. Словарей: Русские писатели. 11 – 20 в. – Т.1: А – Г. – С. 354 – 361, 360.

¹³ Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. – М.: 1965 – 1967. Здесь и далее текст Бунина цитируется по собр. соч. писателя в 9-ти томах с указанием тома и стр. в тексте.

¹⁴ Долгополов. Л. От «лирического героя» к стихотворному сборнику... – С.110, 97.

¹⁵ Бердникова О.А. Антропологические художественные модели... – С.20.

роды (зацветающая земля – торжество жизни), но «при помощи» первой любви – девушки, женщины, это к ней обращается лирический герой – «попала Смерть».

Важно отметить, что в стихотворении «Смерть» – с большой буквы: автор говорит, не только о смерти в данной конкретной точке бытия, не только о смерти, связанной с конкретной могилой, но видит Смерть как явление, проявление бытия. Тем удивительнее – дата над стихотворением. Обращает на себя внимание и несоответствие масштабов лирических величин в стихотворении. На первый взгляд, перед нами – лирическая «зарисовка»: весна, зацветающая земля, я (герой), ты (героиня), первое стихотворение, первая любовь. И, вдруг, – «попала Смерть, как Бог» – явление совершенно иного порядка, иного масштаба. Так осуществляется мгновенный переход от быта к бытию. Чем обеспечен данный переход? И возможно ли говорить о сущностном преодолении мира смерти миром любви как о преодолении, основанном на реалиях, данных в стихотворении?

О способности «бунинского человека» превращать «быт в бытие», говорит Т.А.Никонова, объясняя данный феномен тем, что «смертная память» всегда материализована в его героях как часть судьбы¹⁶. В нашем случае, мы имеем дело с мгновенным переходом от быта к бытию. В стихотворении «1885 год» нет времени для «опредмечивания, – по Т.А.Никоновой, – «изнаночного мира» своей жизнью». Но есть мгновенный переход по «вертикали», ее можно назвать «архаической» (Т.А.Никонова), можно назвать – «вечной». Бесспорно одно, что переход от «быта к бытию» возможен только по «вертикали» и данное измерение героям И.А.Бунина ведомо. Чем обеспечен переход стихотворения в «вертикаль»? Для ответа на этот вопрос, необходимо рассмотреть контекст (в широком смысле) стихотворения.

В заглавии стихотворения вынесена дата, автор хотел обратить внимание именно на это время – 1885 год? Зная отношение Бунина к соотношению его творчества с его личной биографией (резко отрицательное, наиболее ярко выраженное им по поводу предположений автобиографичности «Жизни Арсеньева»), вряд ли, верно будет предполагать, что Бунин сознательно и намеренно отсылает нас к своей биографии. Тем не менее, не следует исключать и биографический фактор.

¹⁶ Никонова Т.А. О смысле человеческого существования в творчестве И.Бунина // И.А.Бунин: pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Б.В.Аверин, Д.Риникер, К.В.Степанов. – СПб.: 2001. – С. 612.

1885 год – Бунину пятнадцать лет.

Что пишет он в это время в своих дневниках? «Сегодня вечер у тетки. На нем, наверное, будут из Васильевского и в том числе гувернантка, в которую я влюблен не на шутку... Да! Пиша эти строки, я дрожу от упоения! От горячей первой любви!.. Но, может быть, именно более всего *святое свойство души Любовь тесно связана с поэзией, а поэзия есть Бог в святых мечтах земли*, как сказал Жуковский... ...я пишу... для того, чтобы удержать в душе напевы (...) Домой я приехал полный радужных мечтаний... ..долго не мог заснуть... Тишина была немая... Я глядел в угол. Луна по-прежнему бросала свой мягкий свет... вдруг все изменилось; я встал и огляделся: я лежу на траве в саду... Вечер. Пруд дымит... солнце сквозит меж листвою последними лучами. Прохладно. Тихо... На балконе стоит *Эмилия Вас.*, но только не такая, какая была у тетки, а *божественная*... Я взбежал и упал к ней в объятия... Но из-за кустов вышли опять с гробом... ..я проснулся...» (29 декабря 1885 г.)¹⁷.

Сопоставив стихотворение с текстом дневниковой записи, можно отметить, что общее (совпадения) в текстах присутствует: «первая любовь» (мир любви), «стихи» (мир творчества), также соприкосновение – и автора дневника, и лирического героя стихотворения – с миром Бога и миром смерти.

Но в стихотворении присутствует логическое построение: логика преодоления Смерти выстроена четко и однозначно утверждена – декларирована. В дневнике – сразу за видением «гроба» следует пробуждение, то есть, в пространстве сновидения мир смерти торжествует. Можно предположить, что, если отсылка к дневникам была сделана сознательно, то как раз для того, чтобы *подчеркнуть – принципиальное несовпадение автора дневников и лирического героя стихотворения*.

Есть ли совпадение с логикой стихотворения «1885 год» в художественном мире других произведений писателя И.А.Бунина? Есть. И совпадения не только логики, но и точное совпадение всех деталей атмосферы стихотворения.

Речь идет о сцене похорон Писарева (эпизод «смерть Писарева») – гл. II, кн. III «Жизни Арсеньева» (6, с. 111 – 112). Соприкосновение Алексея Арсеньева с миром смерти в связи с кончиной и похоронами Писарева столь значимо в художественном мире «Жизни Арсеньева», что вся эта часть текста (смерть и похороны Писарева – XIX гл, кн. I и I гл., II гл., кн.

¹⁷ Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаевна. Устами Буниных. Дневники. В двух томах / Сост. М.Грин, с предисл. Ю.Мальцева. – М.: 2004. – Т.1. – С.19 – 21.

III) должна быть выделена в отдельный исследовательский объект – эпизод «смерть Писарева».

Пока рассмотрим лишь финальную сцену эпизода – собственно похороны (предание тела земле) Писарева: «Воздавая ему «последнее целование», я коснулся венчика губами – и, Боже, каким холодом и смрадом пахнуло на меня и как потрясла меня своей ледяной твердостью темно-лимонная кость лба под этим венчиком в непостижимую противоположность тому живому, весеннему («Была весна»), теплому, чем так сладко и просто веяло («и жизнь была легка») в решетчатые окна церкви! Я пристально глядел потом, стоя за церковью, среди старых могильных плит и памятников всяких бригадиров и секунд-майоров, в глубокую и узкую яму, тускло и угрюмо блестящую своими твердо и ровно обрезанными боками («Зияла адом свежая могила»): грубо и беспощадно летела туда, поспешно сыпалась сырая, первобытная земля на фиолетовый бархат, на крест из белого позумента. Мне хотелось кощунственно ожесточить себя, я вспоминал холодное Всевидящее Око в каменно-облачном небе церковного купола, думал о том несказанном, что будет в этом гробу через неделю, даже пытался уверить себя, что ведь будет в некий срок и со мной то же самое. ...Но веры в это не было ни малейшей («Но жизнь была легка»), могилу уже сровняли с землею, на Анхен («И это ты») было новое батистовое платьице («простой степной цветок») ... ласково и беззаветно, все разрешая и во всем обнадеживая, звучало последнее песнопение, опять праздничное, опять Христово («попрала Смерть, как Бог»), терявшееся в теплом солнечном воздухе... Мир стал как будто еще моложе, свободнее, шире и прекраснее после того, как кто-то навеки ушел из него...» (6, с. 111 – 112).

Напомним, что все это происходит с Алексеем Арсеньевым так же, как и с лирическим героем стихотворения, «на утре дней»: «В ту весну мне шел всего шестнадцатый год» (6, с. 116).

Эпизод «смерть Писарева» имеет прямую параллель и с биографией И.А.Бунина, совпадающую настолько, что в воспоминаниях В.Н.Муромцевой-Буниной дана просто отсылка к «Жизни Арсеньева»: «На третий день были похороны. Они *воскрешены* (выделено – А.С.) в «Жизни Арсеньева»¹⁸. Но с той лишь разницей, что в «Жизни Бунина» похороны Алексея Ивановича Пушешникова – это весна 1886 года. Указывая дату, 1885 год, Бунин отделяет это стихотворение от собственной биографии. То есть, наше предположение о принципиальном

несовпадении биографии Бунина с лирическим героем стихотворения получает подтверждение.

О сознательной работе И.А.Бунина над «стиранием» дневников, личных биографических следов в «Жизни Арсеньева» пишет Б.Аверин: «Бунин на разных этапах работы над романом (вплоть до окончательной правки рукописи) стремился избегать излишней автобиографичности. (...) Бунин отказался и от попытки введения в роман своего юношеского дневника, и от прямого цитирования собственных, ранее написанных произведений. Примерно четверть всех сокращений в рукописи сделана за счет биографических подробностей»¹⁹.

Сравнивая «сцену» из дневника, эпизод «смерть Писарева» в «Жизни Арсеньева» и стихотворение «1885 год», мы видим соединение мира Бога, мира любви, мира смерти и мира творчества. Но в дневнике – нет организации обозначенных бытийных величин, отсутствует их иерархия. 1885 год для Бунина – это год и любви к Эмили Фехнер, и первых стихов, и первого столкновения с миром смерти, хотя и во сне. Однако соотношение между фактами биографии Бунина и стихотворением «1885 год» неявно. Напротив, «факты биографии» Арсеньева полностью совпадают с содержанием стихотворения. Более того, мы видим полное совпадение философского смысла эпизода «смерть Писарева» – преодоление Смерти Любовью – с философским смыслом стихотворения: «Попрала Смерть, как Бог». Тогда как, в дневниковой записи, подобное преодоление можно лишь предполагать (в дневнике к объекту чувства отнесен эпитет – «божественная»).

Смерть в стихотворении с большой буквы, то есть не смерть в конкретной точке бытия, но Смерть вообще, как символ, так же, как и Смерть в эпизоде из «Жизни Арсеньева». Напомним, Писарев умирает в день Пасхи – Праздника торжества Жизни над Смертью. Все последующее развитие «эпизода» (три дня – тоже символ) свидетельствует о том, что в финальной сцене эпизода в душе Арсеньева происходит преодоление не просто конкретной смерти, но Смерти – символа, как и в день Пасхи.

Посмотрим внимательнее – как выглядит преодоление мира смерти в душе героя «Жизни Арсеньева» в эпизоде «смерть Писарева»? Три дня Арсеньев живет в мире смерти. Все три дня – это дни соприкосновения с миром смерти. Какие же чувства стали результатом этого соприкосновения? На первый взгляд, и правда, – кощунственно: тело Писарева предадут земле, а

¹⁸ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина (1870 – 1906). Беседы с памятью. – М.: 1989. – С. 73.

¹⁹ Аверин Б.В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания // И.А.Бунин: pro et contra. – СПб.: 2001. – С. 651 – 678.

Арсеньев замечает «новое батистовое платье» Анхен. Однако «платьице» в этом случае деталь не столько бытовая, сколько символическая. Вспомним, что такое чувство к Анхен для Арсеньева? Чувства к Анхен возникают еще до смерти Писарева: «И прекрасна была моя первая влюбленность, радостно длившаяся всю зиму. Анхен была простенькая, молоденькая девушка, только и всего. Но в ней ли было дело?» (6, с. 102). Анхен здесь пока еще в большей степени символ влюбленности, как и «хорошенькая барышня», подарившая герою первое чувство влюбленности, «которой я впервые в жизни был сладко болен» (6, с. 68 – 69). Но Анхен более реальна, ее образ имеет воплощение – имя. Чувство к Анхен – это чувство души, отсюда и совпадение ее с «хорошенькой барышней». Однако «хорошенькая барышня» лишь мелькнула в жизни героя, Анхен же разделяет его чувства: «... и уже ответно, любовно мерцающие сквозь сумрак девичьи глаза!» (6, с. 103). Отметим, что Анхен – это и первое разделенное чувство Арсеньева в мире любви. До смерти Писарева и чувство Арсеньева, и чувство Анхен – это чувства души.

Анхен рядом с Арсеньевым и все три дня пребывания его в мире смерти. Первый день: «... с чувством единственного спасительного прибежища находил в толпе личико тихо и скромно стоящей Анхен, тепло и невинно озаренное огоньком свечи снизу...» (6, с. 104). Анхен – «единственное спасительное прибежище». От чего? От мира смерти. Лицо Анхен освещено огнем свечи. Свеча – это предмет мира Бога. И Анхен освещена – миром Бога. Второй день: Арсеньев ночью выходит из дома, который ночью уже не сосуществование двух миров – живое спит, но безраздельное царство мира смерти: «Я посмотрел в темноту за долину, на противоположную гору, – там, в доме Виганда (дом – где живет Анхен – А.С.) одиноко краснел, светился поздний огонек. Это она не спит, – подумал я. – «Возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои», – подумал я, и огонек лучисто задрожал у меня в глазах от новых слез – слез счастья, любви, надежд и какой-то исступленной, ликующей нежности» (6, с. 106 – 107).

В ночи мира смерти светит огонек – Анхен – мира Бога, огонек любви. Более того, – огонек отзывается чувствам героя «и огонек лучисто задрожал». Отметим, «задрожал» в «ответ» на слова Псалтири, 92. И первый, и второй день Анхен – символ любви. Она – Анхен – бестелесна и обожествлена. Но вот третий день: «... могилу уже сровняли с землей, на Анхен было новое батистовое платье...». Символ, вдруг, обретает реальность, зримые черты. В какой

момент это происходит? «Могилу уже сровняли с землей». Смерть являет свое окончательное торжество – тело Писарева – уже земля, прах. А герой замечает «платьице». В этом «платьице» – начинающаяся открываться ему с этого мига гармония мира любви, которая, напомним, в художественном мире «Жизни Арсеньева» есть сочетание чувства души и чувства тела, иначе – инстинкта, подчиненного духу. Платьице – это не только «плоть» образа, но первый шаг к осознанию плоти объекта чувства. И чем дальше мир смерти, тем больше – и символ, и объект чувства – обретают плоть: «По вечерам в низах сада светила молодая луна, таинственно и осторожно пели соловьи. Анхен садилась ко мне на колени, обнимала меня, и я слышал стук ее сердца, впервые в жизни чувствовал блаженную тяжесть женского тела...» (6, с. 115). При этом (важнейшая деталь!) «таинственно и осторожно пели соловьи». Плоть может только чувствовать «блаженную тяжесть», а слышать – «пели соловьи» – может только душа. И, поскольку душа слышит, значит, «голос плоти» не заглушает чувства души.

Здесь можно сделать еще одно предположение о соотношении элементов художественного мира «Жизни Арсеньева». Могилу сровняли с землей – смерть утвердила себя, но смерть это и инстинкт. «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир» (Рим.8:6). И герой замечает платье – признак плоти образа. То есть, душа принимает смерть-инстинкт в свой состав, коль скоро он заявил о себе, утвердил себя, то есть, существует, вне зависимости от воли души. Но душа настолько «сильна», что не инстинкт руководит духом, но дух инстинктом. Сравним с толкованием святителя Феофана Затворника: «В человеке две противоположности, а сознание одно – личность человеческая. Характер этой личности определяется тем, на какую сторону она склоняется. (...) И в духовном плоть не исчезает, но подчиняется духу и ему работает»²⁰.

Обратим внимание на глагол «сровняли», как пример точности – и через точность, открывающейся глубины – смысла. Сровняли, то есть – вровень с землей. Ср., «земля еси и в землю отыдеши» (Православное поминовение усопших). Это – крупницы православного мировоззрения, из которых создана художественная ткань «Жизни Арсеньева», и которые мы не в состоянии воспринимать естественно (нужны усилия), в силу разности мировоззренческих потенциалов современного, то есть рубежа XX

²⁰ Святитель Феофан Затворник «Мысли на каждый день года» по церковным чтениям из Слова Божия. – М.: 2008. – С.45. Седмица 2-я Великого поста, Пятница.

– XXI веков, человека и человека второй половины XIX века.

Таким образом, в художественном мире «Жизни Арсеньева» смерть-символ необходима для того, чтобы победу над ней одержала любовь-символ. То есть, победу не в какой-то конкретной точке бытия, но победу вообще, как проявление законов земного бытия и, предположим, утверждение авторской идеи.

Мир смерти, несмотря на подробное знакомство героя с его сущностью и постижение этой сущности, все-таки остается непознаваемым: «Еще приходило в голову прежде: где теперь этот человек, что с ним случилось, что такое та вечная жизнь, где он будто бы прибывает? Но безответные вопросы не повергали больше в тревожное недоумение, в них было даже, что-то утешающее, где он – ведомо одному Богу, которого я не понимаю, но в которого должен верить и верю, чтобы жить и быть счастливым» (6, с. 121). Однако слова, выделенные, свидетельствуют: кажущееся «противоречие» между жизнью и смертью в «Жизни Арсеньева» гармонично разрешается в Боге, и внутренний мир героя, то есть душа тоже сохраняет гармонию восприятия мира. Но постижение этой гармонии, именно как гармонии, стало возможно лишь после того, как мир Бога стал частью «жизненного состава» героя. Юношеское соприкосновение с миром смерти, не только позволяет герою постигнуть гармонию бытия, но, как и в прежних соприкосновениях, рождает чувство. И чувство это уже недетский и неотроческий страх, но противоположное им – «жажда жизни», выразившаяся в чувстве любви.

Тогда, – логика стихотворения «1885 год» полностью соответствует логике эпизода «смерть Писарева». По крайней мере, взаимоотношения между миром Бога, миром смерти и миром любви сходны в том и другом случае. В стихотворении лишь выше концентрация смыслов.

Обратим внимание на то, что стихотворение «1885 год» создано 9 сентября 1922 года. Следующее за ним по времени написания – 12 сентября 1922 года – «Петух на церковном кресте». Именно этот образ появляется в начале «Жизни Арсеньева»: «Громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий Господний глашатай, зовущий к небесному Граду» (6, с. 8).

Возможно ли, сопоставить другие стихи Бунина, созданные в 1922 году, с «Жизнью Арсеньева»? «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора» (25 июня 1922), – и Арсеньева впереди ждут «целые годы скитаний, бездомности...». «Сириус» (22 августа 1922 года), и – «в светлой пустоте небосклона, остро блещет, содрога-

ется лазурными алмазами великолепный Сириус, любимая звезда матери» (Жизнь Арсеньева»). Есть и другие совпадения стихов и прозы И.А.Бунина, причем, не только периода эмиграции, но и дореволюционного творчества с «Жизнью Арсеньева».

Обратимся к истории создания «Жизни Арсеньева», чтобы обосновать наши предположения. «О замысле романа В.Н. Муромцева-Бунина пишет: «О создании «Жизни Арсеньева» я могу сообщить немного, – Иван Алексеевич редко говорил о том, что задумал писать. В первый раз он сказал мне, что он хочет написать о жизни в день своего рождения, когда ему минуло 50 лет, – это 23/10 октября 1920 года. Мы уже жили в Париже... Но в это время он еще не начал писать художественные произведения, серьезно болел, очень волновался всяческими событиями. Начал он «Жизнь Арсеньева» летом 1927 года, в Грассе, где с 1923 года уже была налажена его писательская жизнь». «Замысел «воскресить» (Выделено мной. – А.С.) чей-то далекий юный образ... Некое подобие вымышленного младшего брата, уже давно исчезнувшего из мира вместе со всем своим бесконечно далеким временем» (Ив. Бунин, «Жизнь Арсеньева», Париж, 1930, стр. 207 – 208), проследить жизнь человека от истока дней, первых шагов познания мира, возник, по видимому, еще раньше. Публикуя в 1929 году новый вариант рассказа «У истока дней» (1906), Бунин дает ему новое заглавие «Зеркало» с подзаголовком «Из давних набросков «Жизни Арсеньева» («Последние новости», Париж, 1929, № 3203, 29 декабря). Рассказы «Зеркало» и «Восемь лет» (ранее печатавшийся также под заглавием «В хлебах», «Сон Обломова-внука», «Далекое»), как отмечено автором в позднейших публикациях, также являются вариантами «Жизни Арсеньева» (6, с.325 – 326).

Получается, что параллели стихотворения «1885 год» с «Жизнью Арсеньева» не есть факт исключительный: существует целый пласт творчества – и стихов и прозы И.А.Бунина, который может быть рассмотрен в качестве контекста «Жизни Арсеньева». Это дает нам право высказать предположение, о том что «Жизнь Арсеньева» может быть понимаема как «история души» не просто «вымышленного лица» (В.Ф.Ходасевич), но лирического героя И.А.Бунина, созданная посредством «воскрешения» (в отличие от «воспоминания») событий (впечатлений) жизни души. Сам жанр «Жизни Арсеньева» может быть обозначен как биография (история души) лирического героя Бунина.

Следует отметить один интереснейший аспект, приобретающий актуальность, в том слу-

чае если предположить преднамеренное автором художественное взаимодействие стихотворения «1885 год» с романом «Жизнь Арсеньева». Если отмеченное нами взаимодействие существует, то роман, «получает» дополнение в виде точной даты. Данный факт расширяет исследовательский горизонт. В частности, по отмеченному О.М.Буранком признаку: «Точная датировка событий – также «примета» романного жанра. Даты «привязывают» подчас невероятные приключения персонажей к конкретному времени, способствуют возникновению контекста эпохи, разнообразных временных ассоциаций. Художественное пространство романа тем самым бесконечно расширяется»²¹.

Вернемся к исходной точке наших рассуждений – к стихотворению «1885 год»: «На утре дней моих поправа Смерть, как Бог, / И увела в мир вечный и чудесный». О каком мире идет речь в стихотворении? Любовь попирает Смерть и уводит лирического героя в свой мир? Что если сделать другое предположение? «Мир вечный и чудесный» – это мир творчества. И в дневниковой записи данная связь обозначена определенно. Более того, в дневнике указана основа соединения Любви и Творчества – Бог. Если исходить из этого, то логика такова: Любовь попирает Смерть (мир любви явлен герою «Жизни Арсеньева») и, восторжествовав над Смертью, Любовь открывает герою новый мир – мир творчества, который и есть истинная победа над смертью.

Обратимся к страницам, следующим сразу за эпизодом «смерть Писарева» в «Жизни Арсеньева».

«Она (Анхен – А.С.) наконец уехала... А вечером, когда, уже отупев от слез и затихнув, я опять зачем-то брел за реку, обогнал меня тарантас, отвозивший Анхен на станцию, и кучер, приостановившись, подал мне номер петербургского журнала, в который я, с месяц тому назад, впервые послал стихи. Я на ходу развернул его, и точно молнией ударили мне в глаза волшебные буквы моего имени...» (6, с.116). В этом случае соотношение более явное. Анхен уезжает, как бы «увозя с собой» мир любви. Тарантас, на котором она (Любовь) уехала, на обратном пути со станции привозит Арсеньеву журнал с его стихами. Получается, что в художественной структуре «Жизни Арсеньева» мир творчества принимается от мира любви, и, более того, мир творчества противо-

стоит миру смерти, так же, как противостоит ему мир любви.

Вспомним, чем начинается «Жизнь Арсеньева»: «Вещи и дела, аще не написании бывают, тьмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлении...» (6, с. 7). То есть, «вещи и дела», если они написаны, им уже не страшен гроб беспамятства – они бессмертны. Об этом же свидетельствует и русская литература, являющаяся для героя «Жизни Арсеньева» частью «жизненного состава». Ср.: «Державин сказал: «Так, весь я не умру, но часть меня большая, / От тлена убежав, в потомстве будет жить». Против действительности такого бессмертия нечего сказать, хотя оно и не утешит людей, близких поэту; но что передает поэт потомству в своих созданиях, если не свою личность? Не будь он личность больше, чем кто-нибудь, личность по преимуществу, его создания были бы бесцветны и бледны»²². Творчество – это бессмертие.

«Чрезвычайно важное для него событие: стихи Арсеньева опубликованы в столичном журнале»²³ (Б.Аверин) – подтверждает сущность Арсеньева как художника, то есть, его творчество не есть нечто случайное. Творчество Арсеньева – это его путь. Мир любви, Любви – символа – вечен, как сущность бытия. Но мир любви земной реальной ограничен рамками земного бытия и более узкими – рамками взаимоотношений. Мир творчества «более» «вечен»: «...яко одушевлени...» – здесь одушевление именно в смысле бессмертия души.

Творчество – это воплощение души, и оно также бессмертно. Следовательно, и в стихотворении «1885 год» речь, вероятно, идет о мире творчества, и основа творчества – Любовь и Бог, так же как Любовь и Бог – основа победы над Смертью. Более того, творчество – потому победа над Смертью и, только исключительно тогда – победа над Смертью, когда творчество в своей основе – Любовь и Бог. То есть, в точном соответствии с содержанием стихотворения «1885 год»: «И первый стих, и первая любовь».

В выводах статьи отметим, что ставший основой наших рассуждений сравнительный анализ стихотворения «1885 год» и одного из эпизодов романа «Жизнь Арсеньева» позволяет в новом формате рассмотреть гипотезу, отмеченную О.А.Бердниковой: «гипотеза о заметном расхождении Бунина-поэта и Бунина-писателя, высказанная в критике русского зарубежья. Автономное и даже разнонаправленное развитие поэзии и прозы с точки зрения религиозной проблематики архимандрит Кирилл Зайцев объясняет сложностью и напряженностью рели-

²¹ Буранок О.М. Анонимная повесть «Нещастной француз...» в переводе Никанора Ознобишина и историко-литературный процесс XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вып. 15. – СПб.; Самара: 2011. – С. 51.

²² Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. – М.: 1948. – Т.1. – С.559.

гиозных исканий Бунина-поэта, в результате которых «всю религиозную проблематику он оставляет за скобками текущей писательской работы как прозаика». (Этот фрагмент выделен самим Буниным при чтении книги К.Зайцева на полях чертой, означающей, по-видимому, его согласие с данным утверждением)²⁴. Соглашаясь с К.Зайцевым и О.А.Бердниковой по существу, то есть, принимая тезис о «напряженности религиозных исканий Бунина-поэта» и об отсутствии видимых «следов» работы над религиозной проблематикой в прозе (ограничиваясь «Жизнью Арсеньева») писателя, мы, основываясь на данных нашего сравнительного анализа, считаем возможным, высказать следующее предположение. Работа Бунина-прозаика над «религиозной проблематикой», если и вынесена

«за скобки» «Жизни Арсеньева», то результаты этой работы во всей ее очевидной напряженности присутствуют в романе. Но не всегда в видимой части текста произведения. Можно сказать в – «подтексте». Но более точным, нам кажется формулировка – символическое пространство романа «Жизнь Арсеньева», которое становится действительным «пространством жизни»²⁵ (Н.Пращерук) в родственных контекстах, предстает видимым, подлежит осознанию.

²³ *Аверин Б.В.* Жизнь Бунина.... – С. 668.

²⁴ *Бердникова О.А.* Антропологические художественные модели.... – С.19 – 20.

²⁵ *Пращерук Н.В.* Художественный мир прозы И.А.Бунина: Язык пространства: Науч. издание. – Екатеринбург: 1999. – С. 23, 84.

**PLAN «RESURRECTING SOMEONE'S FAR-AWAY YOUNG IMAGE...»
(POEM «1885» AND NOVEL «THE LIFE OF ARSENIIEV» BY IVAN BUNIN)**

© 2012 A.I.Smolentsev^o

Writers' Union of Russia

In this paper the comparative analysis of the poem by Ivan Bunin «1885» and the scene of Pisarev's death in his novel «The Life of Arseniev». Conclusions are drawn about the possibility of substantial new reading of meanings as poems and novels in the context of an artistic idea, which has as its basis for the Gospel of Christ's Resurrection and certificate asserting artistic ability to overcome death through creativity.

Key words: Ivan Bunin, «1885», «The Life of Arseniev» God, Love, Death, Art, Resurrect.

^o *Alexey Ivanovich Smolentsev, Member of the Union of Writers of Russia. E-mail: smolent@leks.kirov.ru*